

Книги Юрия Корнеева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ИНЖЕНЕР-ЛЕЙТЕНАНТ
ИНЖЕНЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. СВОЙ ПУТЬ
ИНЖЕНЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. ЗЕМНЫЕ ДОРОГИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЮРИЙ КОРНЕЕВ

ИНЖЕНЕР-
ЛЕЙТЕНАНТ.
ЗЕМНЫЕ ДОРОГИ

РОМАН

Москва, 2018
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1131

Художник
М. Поповский

Корнеев Ю.

К67 Инженер-лейтенант. Земные дороги: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2759-8

Николай Дроздов, попав в звездную империю, неплохо устроился благодаря проявившимся ментальным способностям, а обнаружив законсервированную базу давно исчезнувшей могущественной цивилизации атланцев, он получил доступ к их технологиям в обмен на обязательство возродить империю Атлан. И вот после почти десятилетнего отсутствия новоявленный император возвращается на Землю. Главная задача — набрать добровольцев, готовых стать его подданными... Но не все так просто. Возникает множество проблем, и их надо решать. Ну что ж, надо — значит надо.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Юрий Корнеев, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2759-8

ГЛАВА 1

В системе я в первую очередь как следует осмотрелся. Все было спокойно, и людей вокруг не наблюдалось. Нет, люди были, и много, но только на одной планете — на планете Земля. Я все-таки боялся, что кто-то мог сюда проникнуть тем же путем, что и капитан. Найти червоточину, конечно, было трудно, практически невозможно, но слишком много людей знало об ее существовании. Аратанцы вообще о ней прекрасно знали — ведь именно они загнали в нее капитана. Но аратанцы вряд ли полезли бы в нее. А вот арварцы и аграфы могли. Но, к счастью, никого здесь не было. Да если бы и были — уничтожил бы, и все. Аграфов с удовольствием, а вот арварцев — с огромным сожалением.

Первым делом, пока не улетел далеко от червоточины, надо было ее дестабилизировать. Придется тащиться туда на боте. Неохота, но надо. Я посмотрел на Ингу. Может, ее послать? Нет, напутает еще что, лучше уж сам. Верно говорят: хочешь сделать хорошо — сделай сам. Я еще посидел немного, отходя от напряжения. Все-таки возвращение домой через столько лет на мозги давит конкретно. Мне бы сейчас полежать на диванчике, выпить пару бокалов вина, а лучше стакан водки. И вздремнуть пару часиков. Думаю, это бы меня привело в норму. Но надо делать дело. Ладно, разберусь с червоточинной — спрячусь в тени Луны и пару деньков отдохну, приведу в порядок свои нервы. Заодно и по интернету пошарюсь, хоть пойму, что тут происходит. Ну что ж, так и сделаю.

— Никитич, ты разобрался с этой системой? Есть она в наших навигационных картах?

— Все в порядке, Ник. Это одна из наших колоний.

— Как далеко от Миры?

— Если лететь напрямую, через империю, то надо пересечь сто семьдесят семь систем. Если вокруг, с заходом еще в две колонии, то двести тридцать четыре системы.

— А зачем заходить в эти колонии?

— Так ведь все равно по пути.

— А, ну да, тут ты прав. Что-то я сегодня медленно соображаю. Ладно, Никитич, подготовь к вылету бот. И погрузи одну мину, прикрепи к сбрасывателю. Только простую, без антивещества.

— Понял. Сделаю.

Я поднялся из кресла и потянулся. Инга сидела в своем кресле вполоборота и внимательно смотрела на меня.

— Ну и чего уставилась? Со мной все в порядке, не волнуйся. Я сейчас слетаю закрою червоточину, а ты пока держи корабль на месте, жди меня.

И я отправился на летную палубу. Никитич уже все подготовил, так что я сразу прошел в кабину. Выйдя из корабля, отправился к червоточине. Там пришлось подождать часа два, пока она не стабилизировалась. Вошел в нее и на предельной скорости проскочил. Вышел уже в системе дикого космоса, недалеко от Содружества. К сожалению, развернуться в червоточине нельзя, вот и пришлось проходить ее насквозь. Осмотрел систему. Никого. Да и не успел бы здесь кто-то появиться, мы отсюда лишь несколько часов назад ушли. Но на всякий случай проверил все вокруг. Потом прождал часа полтора стабилизации и рванул обратно. По пути сбросил мину. Выскочив из червоточины, на всей скорости помчался к кораблю. Только подлетел к кораблю, как червоточина будто бы вздрогнула и быстро-быстро замерцала. На экране это выглядело даже красиво. Вот теперь это и в самом деле мерцающая червоточина. Хрен теперь кто через нее пройдет. Залетел на летную палубу, поставил бот и не спеша пошел в рубку.

В рубке сел в свое кресло и задумался. Но подумать мне не дали.

— Ник, что дальше делаем? — спросила Инга, глядя на меня с тревогой. — Ты какой-то дерганый. Случилось что?

— Все в порядке. Просто надо подумать. Вот о том, что делать дальше, и надо подумать. А пока поставь корабль в тени спутника третьей от звезды планеты. Справишься?

— Обижает, начальник.

- Вот ведь, и где только нахваталась.
- Так от тебя и нахваталась.
- Ладно, хватит пререкаться. Давай двигай.

А сам стал наблюдать за ее действиями. Хотя она в надзоре уже не нуждалась. Пилот она все-таки неплохой. И времени-то прошло всего ничего, а смотри ж ты. Скоро и меня переплюнет. Не прошло и часа, как мы уже стояли в тени Луны.

- Молодец, Инга. Иди в кают-компанию.
- А ты?
- Я еще посижу здесь, подумаю. Иди.

Она встала и ушла. Правда, по пути не забыла остановиться и поцеловать меня. Пусть там с девчонками языки разомнут. Вот тоже головная боль. Как их родителям представлять? Ведь не поймут. Для них наши отношения — разврат и сплошное безобразие. Оба они из казачьих семей, и семья для них — это Семья. Никаких отклонений. А у меня? Да, надо будет с девчонками поговорить. Может, они что предложат. Женская головка в таких ситуациях соображает намного лучше мужской тыквы. Ладно, этот вопрос постараемся утрясти. Что мне понадобится на Земле? В общем-то ничего. Родителей я уговорю лететь со мной. Про брата и речи нет: впереди меня помчится. Надо будет среди родственников поискать. Ну и всех знакомых прошерстить. Может, и найдем ментально одаренных. В принципе на Земле их должно быть довольно много. Видно, тут скрещивание атлантов и аборигенов не влияло так разрушительно на ментальную активность, как в других местах. А иначе откуда бы я взялся? Считать себя каким-то особенным глупо. Значит, нужно искать. Надо дать задание Никитичу, чтобы он подготовил несколько наручных сканеров, таких же как у меня. И раздать их родителям и брату. Пусть проверят всех своих знакомых. Вменяемых, конечно. А вот что делать с чужими людьми? Объяснить что-то совершенно постороннему человеку практически невозможно. Он даже слушать не будет — сочтет психом, и все. Ну, эту тему надо обсудить с родителями и с уже завербованными. Они обстановкой владеют намного лучше меня, подскажут что-нибудь. Так, что мне еще понадобится? Местные деньги. Велеть Никитичу залезть в земную банковскую систему и пошерудить там? Он может. Только зачем это мне? Ну, сделает он меня местным миллиардером, а оно мне надо? Все равно отсюда улетать. Только не-

нужный шум поднимется. Мне и нужно-то немного налички. Наковырять по астероидам золота и каких-нибудь драгоценных камней? Так их потом замучаешься реализовывать. Да и бандиты со спецслужбами тут же на хвост сядут. Особенно спецслужбы. Проведут анализ золота и камней и обнаружат, что все это добро не проходит ни по одному известному прииску. И тут же откроют на меня охоту. Нет, это не наш путь. Потрясти бандитов? Так где ж их взять? На лбу ни у кого не написано, что он вор и бандит. Найти, конечно, можно, но время терять не хочется. Если только наркоторговцев потрясти? Не люблю наркоторговцев. Наркоманов тоже не люблю, но наркоторговцев вообще терпеть не могу. Им, если что, и шею свернуть не жалко. У нас в городе, кстати, на окраине был интересный домик, где цыгане практически открыто торговали наркотой. И ведь всем об этом было известно, но никто их почему-то не трогал. Наоборот, милиция их защищала от разъяренных родственников пострадавших. Надо будет проверить, если их еще не прикрыли, то спалю на фиг. Вот в первую очередь их и проверю. Прямо сейчас и отправлю разведдроида. Да, что-то я какой-то кровожадный. Хотя да, такой и есть. Ну а в самом деле — почему? Наверное, потому что вырос в такой среде. Юность и молодость-то пришлось как раз на начало девяностых. А в это время у нас было весело. На окраины города даже днем соваться не рекомендовалось, а уж ночью тем более. И ведь ничего, жили как-то. Ходили с девчонками в кино на вечерний сеанс, потом их домой провожали. Нет, всякое бывало, естественно. Любой имел в кармане или что-то режущее, или ломающее кости. У меня, например, помню, был кистень. Простой свинцовый грузик на капроновой тесемке. С одной стороны грузик, с другой — петелька. И носить очень удобно. Сунул в поясной кармашек джинсов — и ничего не заметно, только петелька торчит. А достать можно мгновенно. Страшная вещь. Это если уметь ею пользоваться. А я умел. Вот тогда, наверное, и началось пренебрежительное отношение к человеческой жизни. А как к ней еще относиться, когда каждый день то кого-нибудь взорвут, то застрелят, то зарежут. Сейчас, интересно, так же или что-нибудь изменилось? Ну а в Содружестве и вовсе тьма. Там к человеческой жизни вообще никакого пиетета. Хоть и декларируется обратное, во всяком случае во фронтире. Так я там и жил. А для наемника

пристрелить кого или выкинуть в космос без скафандра — как нечего делать. Так я наемник и есть. В душе, по крайней мере. Так что нечего комплексовать, и если решил кому шею свернуть, то так и надо делать. А то пока буду раздумывать, правильно я поступаю или нет, самому шею свернут. Ну что ж, на первое время план вроде наметил. Да, надо велеть Никитичу покопаться в ОВД города и в налоговой, пусть узнает побольше о моих. И по возвращении разведдроида — доклад.

Так я и просидел, наверное, еще с час, пока не пошли доклады. Сначала доложился Никитич. Слава богу, с моими все было в порядке. Отец и мама проживали все там же. Оба были уже на пенсии. Брат жил с ними. Во всяком случае, прописан был там же. Работал на заводе мастером. Надо же, уже успел институт закончить. Так, придется сначала вылавливать брата и выяснять о здоровье родителей. А то заявлюсь — и два инфаркта. Умереть, конечно, не дам, но зачем мне этот экстрим? Конец лета, родители должны быть на даче, так что брат дома один, но надо будет все-таки проверить.

Потом Никитич показал данные дроида разведчика. Ну надо же, домик наркоторговцев как стоял, так и стоит. Мало того, вокруг него вырос небольшой поселок. На картинке было хорошо видно, как к одному дому постоянно подходят какие-то неряшливо одетые личности и потом спокойно уходят. Ни фига себе! Вообще ничего не боятся. Хоть бы продавали наркоту в каком-нибудь переулке, а то прямо дома торгуют. Да, ничто не изменилось. Придется нанести им визит. Самое обидное, что спалить весь этот змеиный рассадник я не мог — практически во всех дворах бегали дети. Я, конечно, понимаю, что из этих детишек вырастут такие же мерзавцы, как и их родители, но сделать все равно ничего не смогу. На детей рука не поднимется. Хреново. Ладно, буду себя успокаивать тем, что хотя бы кто-нибудь из этих детей станет нормальным человеком. А может быть, вообще знаменитым певцом, как Николай Сличенко. А может, и артистом каким. Всякое бывает.

Время было обеденное, и я прошел в кают-компанию. Девчонки ожидали меня сидя на диване. Даже не болтали. Просто сидели и смотрели. И чего уставились?

— Девочки, садимся обедать.

— А когда ты полетишь на планету?

— Вот сейчас пообедаем — и полечу. Сразу предупреждаю: без вас. Обещаю, что как будет возможность — вас тоже возьму. Не волнуйтесь, я лечу на пару дней. Да и с Ингой я всегда могу связаться. Ну а вы если захотите со мной пообщаться, то через Ингу или Никитича. — Я посмотрел на Кини с Бертой. — Только по пустякам меня не беспокойте.

— Обещаешь?

— Обещаю, обещаю. И еще, девочки. Сразу хочу вас предупредить: родители у меня патриархальные и наших отношений могут не понять. Вернее, точно не поймут. Поэтому, пока они на корабле, наши совместные ночные развлечения придется прекратить. Будете приходиться ко мне по одной, по очереди. Или я к вам. С очередью сами разберетесь. И не обижайтесь. Просто я не хочу расстраивать родителей. Думаю, вы поймете. Вы ведь девочки умные и не злые.

— Конечно, Ник, мы все понимаем. — Это уже Инга. А у самой глазки горят. Наверняка задумала что-то. Понятно — будет наседать на меня со стороны родителей. И ведь у нее может выгореть. Уж я-то своих родителей знаю.

— Так, девчонки, а лучше всего будет, если вы в капсулы ляжете. А дня через два-три я вас подниму. Так и мне спокойней будет, и вы будете меньше нервничать. И не спорьте. Так что марш в медсектор.

Сразу после обеда я направился на летную палубу. Чего ждать-то? Лучше понаблюдаю за наркоторговцами. Может, они порядочные граждане, а то, что к ним постоянно ныряют какие-то подозрительные личности, — так мало ли чем там могут торговать. Может, самогон на розлив продают? Помню, в нашем же доме, но в соседнем подъезде мужик самогонкой торговал — и в бутылках и на розлив. Но с этим пускай налоговики борются. А самогонка у того мужика была, кстати, лучше всякой водки. Так что посмотреть надо внимательно, послушать.

Подлетев к дому, что служил торговой точкой, сбросил своего микродроид-разведчика. Устроился поудобней в кресле и приготовился к ожиданию. Но ждать долго не пришлось. На первом этаже дома в одной из комнат дроид обнаружил группу людей. Трое сидели у стены и были явно в отключке, а четвертый как раз вводил шприцем себе что-то в вену. Потом он подошел к той троице, сел рядом и закрыл гла-

за. Теперь в ряд сидели четыре дебила с блаженством на мордах. Тьфу. Поубивал бы. А, ладно, сами передохнут, такие долго не живут.

В соседней комнате, по-видимому кухне, толстая цыганка возилась с кастрюлями. Раздался дверной звонок, и тетка пошла открывать. Вошел паренек. Мимо него просочилась кучка цыганят и умчалась на второй этаж дома. Тетка отдала парню небольшой пакет, а тот ей пачку купюр, перетянутую резинкой. Потом паренек развернулся и ушел. И все это молча. А нет, парень выругался, когда один из пацанят его задел. Да, серьезно тут все поставлено. Только эти четверо тут как-то не к месту. Хотя, судя по хорошей одежде и обилию цацек, — это детишки каких-то городских шишек. Так что соседняя комната тут, видно, считается VIP-номером для самых уважаемых гостей. А то, что мебели никакой нет, так оно и лучше. Зачем обдолбанному мебель? Еще поранится, свалившись с кровати. Так, с этим домом все ясно. Обыкновенная торговая лавка, только торгуют тут не хлебом и даже не водкой. Понаблюдаю еще. Через некоторое время из дома вышел пацаненок с обыкновенным целлофановым пакетом в руке, прошел через двор и пролез через дыру в заборе на соседний двор. Спокойно вошел в дом и через полчаса вышел с тем же пакетом. Пролез в ту же дыру в заборе и вернулся в дом-лавку. Ага, а ходил он, значит, на склад за товаром. Ну и выручку заодно сдал. Значит, мне сюда и надо. Что там у нас? Два человека, на втором этаже. Подождать ночи или сейчас сходить? Лучше сейчас. Торчать здесь до ночи неохота. Да и курьер только ушел, так что никто мне не помешает. Опустил бот к самой крыше. Снял свой комбинезон и активировал комбинезон разведчика. Перевел его в режим невидимости, открыл люк и спрыгнул на крышу дома. Потом через слуховое окно залез на чердак. Нашел люк, открыл его и спрыгнул на пол второго этажа дома. Шума я не боялся, так как хозяйева дома уже крепко спали. Прошел в комнату с людьми. Два пожилых цыгана. Один спит в кресле у стола, второй прямо за столом. На столе разложены кучки купюр. В комнате два шкафа. Открыл один — забит деньгами. В основном рубли, но есть и иностранная валюта. В другом шкафу было золото. На двух полках. Какие-то колечки, кулоны, браслеты, цепочки. Все аккуратно разложено по пакетикам и подписано. На других полках лежали груды наручных

часов, различных серебряных украшений. Я пошел в соседнюю комнату. Так, комнатка без окон, типа кладовки. На полках лежала пара пакетов с белым порошком. Килограмма на два каждый. Ну ни хрена себе. Это сколько же людей угробить можно? Рядом лежали здоровые пакеты с молодой травой. Этих пакетов было очень много. Я даже считать не стал. Тут же стояли пластиковые контейнеры с упаковками таблеток. Да. И что делать? Связаться с милицией? Так эти все отсюда даже увозить не станут. А то менты не знают об этой точке. Все они прекрасно знают. Менты в России никогда дураками не были. Жуликами — через одного, а вот дураками нет, не были. Так что если эта точка до сих пор существует, значит, это кому-то надо. И этот кто-то занимает достаточно высокий пост, чтобы суметь эту мерзость прикрыть. Вывозить все? А оно мне на что? Придется жечь. Сейчас не ночь, так что жертв не должно быть. Кроме этих двоих, конечно. Их я уже приговорил. Будут спать до самого своего конца. Я вышел из кладовки и спустился на первый этаж. Тут было три комнаты, и все они забиты различным барахлом. Разная электроника, бытовая техника, ковры, посуда. Все не новое. То ли украли, то ли наркоманы натаскали за дозу. Жалко, конечно, сжигать, но до хозяев ведь все равно ничего не дойдет, даже если ментов сюда навести. Нет, придется жечь. Выбрал в одном из шкафов новые джинсы и футболку, а вот новой куртки не нашел. В другом шкафу нашел неплохую ветровку, не новую, но вычищенную и отглаженную. Забрал и ее. Поднялся наверх, достал свою сумку и набросал туда денег. Брал только пачки с крупными купюрами и валюту. Но даже и так получилось очень много и довольно тяжело. Поэтому вытряхнул все из сумки, нашел в доме здоровенный баул и уже его решил набить деньгами. Но почему-то стало так противно, аж до тошноты. Бросил баул на пол. От злости пнул ногой того, что сидел в кресле. Подошел к шкафу, взял оттуда две монетки — николаевский червонец и сеятеля, тот же червонец, но советский. Из денег взял только пачку тысячерублевок и пачку долларов. Потом открыл окна. К одному окну вызвал бот. Потом навалил кучей разные газеты, журналы, тряпки, прямо посреди комнаты. И поджег. Подождал, пока разгорится, нырнул в люк бота и поднялся метров на сто. Минут десять я думал, что ничего из моей затеи с пожаром не получится. Дым из окон, конечно, шел, но ка-

кой-то блеклый, несерьезный. Но потом вдруг полыхнуло. Сразу из всех окон второго этажа вырвались языки пламени, и дом запылал. Вокруг забегали люди. Кто-то бежал с ведрами, кто-то с баграми и шестами. Остальные просто стояли и смотрели. Да, все нажитое непосильным трудом превращается в пепел. Всегда бы так. Пожарная машина приехала, уже когда дом догорал. О том, что спалил этих упырей, ничуть не жалел. Но вот то, что повел я себя как размазня, — это беспокоило. Нет, без денег я не останусь — Никитич мне червонцев наделает по образцу тех, что я прихватил, сколько угодно. Но ведь их еще продавать придется, а это лишняя возня. Да и лишний раз обращать на себя внимание придется, а это не есть хорошо. Да, воздух родной планеты на меня как-то нехорошо подействовал. В Содружестве я бы не заморачивался, прихватил бы деньги не раздумывая, а тут почему-то не смог. И главное, сам не пойму почему. Ладно, некогда раскисать, пора отсюда убираться. Смотреть больше не на что.

Решил высадиться в городском парке у реки. Время было около пяти. Скоро смена на заводе закончится, и брат освободится. Сомневаюсь, что завод работает в две смены, как при Советах, — хорошо вообще не закрыли. Так что надо отправляться к дому. Не факт, что он сразу пойдет домой. Все-таки парень молодой и может где-нибудь зависнуть. Ничего, подожду.

Высадился на полянке и сразу пошел к выходу из парка. Народу было совсем немного. Иногда встречались мамочки с детскими колясками, да дети пробегали по аллеям. Выйдя из парка, поймал такси и поехал к своему дому. Уселся на лавочке недалеко от дома и стал ждать. С моего места дом было хорошо видно. Даже наши окна я видел. Мы жили на третьем этаже двенадцатизэтажки. Стандартная трехкомнатная квартира. Но разобрать, есть кто в квартире или нет, не получалось. В доме было полно людей, и все они мельтешили, передвигались туда-сюда, так что ничего было не понятно. Ладно, посижу и подожду. Правда, был риск, что меня могут опознать какие-нибудь знакомые, но тут уж ничего не поделаешь. С моего места хорошо была видна дорожка к нашему подъезду, да и лавочка стояла среди кустов, довольно скрытно. По вечерам на ней собирались любители побренчать на гитаре, но сейчас для них еще рано.

Наконец показался брат. Надо же, как возмужал. Я его еле узнал. Был худеньким пацаном с шилом в одном месте, а сейчас взрослый и уверенный в себе мужчина. Да-а-а. А ведь я выгляжу моложе него. Мне сейчас лет двадцать можно дать. Может и не узнать. Ладно, разберемся. Он зашел в подъезд. Обождая минут пять, я зашел следом. Хорошо на лавке у подъезда никого не было. Обычно тут бабульки располагаются, но, видно, разошлись по домам встречать с работы своих близких. Поднялся на третий этаж и проверил квартиру. Там находился только один человек. Нажал на кнопку звонка. Дверь открылась. На пороге стоял брат с выпученными глазами. Я слегка толкнул его в грудь, и он сделал несколько шагов назад. Я зашел, закрыл за собой дверь и обнял его.

— Ну, здравствуй, брат.

— Колька, ты, ты... Ты живой?

— Можешь потрогать. Отомри наконец. Пошли на кухню.

Я прошел мимо него на кухню и уселся на свое любимое место у окна. Мы с ним всегда боролись за это место. Побеждала, конечно, сила, то есть я.

— Теперь небось на моем месте сидишь? Мишка, ну хватит уже, приди наконец в себя. Или на тебя стакан воды вылить? Налей лучше чайку.

Он подошел к плите, поставил чайник, зажег под ним газ. И все это на автомате.

— Колька, как же так, надо же родителям позвонить.

— А вот этого пока не надо.

— Почему?

— Так, садись, поговорим. Рассказывай, как вы тут? Давай не тормози. А потом уже я расскажу обо всем.

Ну, в общем-то ничего плохого не произошло. Нет, конечно, все очень переживали после моей пропажи, родители сильно сдали, у отца даже инфаркт был. Это, конечно, плохо. Но самое главное — все живы. А здоровье я им подправлю. Теперь о всяких болячках забудут. Ну а остальное я в принципе знал. Родители на пенсии, он работает на заводе. О многом брат не рассказал, так, основное. Ничего, у нас еще будет время поговорить. Я ему тоже рассказал, что со мной произошло. Но кратко. Даже очень кратко. Но все равно он был просто ошеломлен:

— Коль, врешь ведь, а?

— Миш, да когда я тебе врал-то?

— Да всегда.

И мы с ним рассмеялись. Я и в самом деле любил над ним пошутить. В детстве он был очень доверчивым, впрочем, как и все дети. Вот я этим и пользовался. То перед сном ему каких страшилок нарасказываю, то пошлю его сокровища искать на дачном участке. Мы немного повспоминали и посмеялись.

— Коль, а можно на твой корабль посмотреть? Если не врешь, конечно.

— Можно. Пошли, слетаем. А потом к родителям на дачу. Думаю, успеем. Если не успеем, то завтра поедем.

Мы с ним вышли из дома. За нашим домом был небольшой пустырь, там собачники своих питомцев выгуливали. Мы прошли на самый край, к забору. За забором строилась новая районная поликлиника. При мне строилась. Прошло больше восьми лет, а она все строится. Я вызвал бот и дал команду на открытие люка. Мишка стоял столбом и пялился на появившееся из ниоткуда светлое пятно. Я его буквально втолкнул в люк и заскочил сам.

— Ну, чего тормозишь. Хочешь, чтобы завтра все бабульки в округе рассказывали об НЛО на нашем пустыре?

— Коль, так это правда?

— Да правда, правда. Пошли в кабину.

Мы с ним прошли в кабину, и я уселся в кресло пилота. Мишка сел в соседнее кресло. Минут через пятнадцать мы подлетели к кораблю. Он смотрел на него открыв рот. И вообще мне пришлось выводить его с бота за руку. Он был в полной прострации. Понадобилось тащить брата в медблок.

— Раздевайся и ложись в капсулу, — велел я ему, когда мы пришли в медсектор.

— Зачем?

— Делай что говорю.

Он разделся, и я запихнул его в медкапсулу.

— Никитич, полное восстановление до стандарта. Установи ему симбионт и дай ему наш язык и язык Содружества. Сколько он пробудет в капсуле?

— Сорок семь минут. Организм в порядке, надо только почистить и кое-что поправить.

— Хорошо. Я здесь подожду.

Я сел в кресло и стал ждать. Да, встреча какая-то скомканная получилась. Он все никак не мог поверить, что я жив и здоров. Да тут я еще со своими космическими кораблями, что бороздят просторы Большого театра. Вот парень и поплыл. А я его еще и на корабль притащил. Но вроде с психикой у него раньше все нормально было, свихнуться не должен. А вот как родителям обо всем рассказывать? Хотя что им рассказывать? Для них главное, что я жив, а остальное вторично.

Когда брат вылез из капсулы, он уже не был таким пришибленным.

— Одевайся. Ну что, оклемался? — Говорил я с ним на атланском.

— Значит, это все правда, — констатировал он. — А где это я лежал?

— В медкапсуле. Я тебя подлечил немного. Не волнуйся, ты был здоров, просто надо было почистить организм. Он весь разной химией был пропитан. Ну и заодно языкам тебя подучил.

— Здорово. И какие языки я теперь знаю?

— Ну, сейчас мы с тобой говорим на атланском. Еще ты теперь знаешь язык Содружества. Помнишь, я тебе о нем рассказывал? Ну, что, на дачу к родителям полетим?

— А долго отсюда к ним лететь?

— Столько же, сколько мы летели сюда. Минут через двадцать будем на даче.

— Полетели. Отец с мамой поздно ложатся. Да и с соседями не встретимся.

— Это правильно. Ни соседям, ни кому другому о моем возвращении знать не надо.

— Почему?

— А зачем? Лишние разговоры, разборки с властями. Оно мне надо? Я вообще-то за вами, и общаться с кем-то еще мне не хочется. Вот как нам родителей уговорить? О тебе-то я не волнуясь.

— И правильно делаешь. Я с тобой. А родителей уговорим.

Мы подошли к боту и загрузились в него. Мишка уже спокойно прошел за мной в кабину.

— Я такой кораблик водить смогу?

— Это не кораблик, а разведывательный бот. А водить ты такой сможешь очень скоро. Помнишь, я тебе рассказывал о

ментоактивности? Так вот, у тебя был уровень три и две десятых.

— Почему был?

— Потому что я тебе установил симбионт, и теперь у тебя четыре и шесть.

— Слушай, я и не чувствую, что у меня в голове что-то лишнее.

— Лишнее у тебя — только твои мысли. А симбионт как раз не лишнее. Совсем не лишнее.

— А у тебя такой же?

— Нет, у меня экспериментальный.

— Это как?

— Да вот сидит в башке какая-то бестия и все время ехидно комментирует мои действия таким противным женским голосом.

— А почему женским?

— Ну, можно, конечно, поменять на мужской, но как представляю себе, что у меня в голове какой-то мужик... Брр. Нет, раз уж он там поселился, то пусть будет женский. Тем более что она иногда дает совсем неплохие советы.

— Как это?

— А я знаю? Говорит, что это не она, а мое подсознание.

— Знаешь, Коль, тебя послушаешь — и кажется, что говоришь с полным психом. А с другой стороны, мы летим в космическом аппарате в космосе. И я только что был на космическом корабле. Может, я свихнулся?

— Миш, ты подожди с ума сходить, у меня на тебя большие планы, а псих мне не нужен.

— Ладно, уговорил. А у меня в голове тоже голос будет?

— Нет, не волнуйся, твой симбионт молчун. Он тебе молча помогать будет.

— В чем?

— Во всем. Пройдет немного времени — и будешь удивляться, как ты мог раньше без него обходиться.

— И когда это будет?

— Точно не знаю, но до завтра симбионт должен развернуться.

— Ладно, подожду. Коль, ты только при родителях про голос в голове не ляпни — не поймут.

Так болтая мы и прилетели. Слава богу, что Мишка не стал возмущаться тем, что я ему установил симбионт. Нет, необхо-

димось этого я ему в конце концов объяснил бы, но сколько времени потратил бы. А так как упрямства в нем побольше, чем во мне, то трудновато бы мне пришлось.

— Миш, где приземлимся? Нужна небольшая площадка, где-то пять на десять. Можно и без площадки, но тогда бот зависнет на высоте, и придется спускаться по длинному трапу. В принципе бот так и так земли не касается, остается зазор между днищем и землей сантиметров в десять, но можно обойтись без трапа.

— Давай за домом. Там полно пустого места.

— Там же грядки с картошкой. Мама по башке надает.

— Да какие уж теперь грядки.

— А, ну да. Теперь уже я торможу.

Бот завис над площадкой, и мы выскочили из него. Он тут же поднялся на высоту в пятьдесят метров. Мы подошли ко входу в дом. Внутри было два человека. Я тут же их проस्कанировал. Да, совсем они сдали. Особенно папа. Я тут же подправил ему сердечную мышцу. А вот с сосудами беда. Чистить их долго и муторно. Так что подождем до медкапсулы. Да, вовремя я прилетел. Еще год-два — и мы бы уже не встретились. Ну, теперь все будет хорошо.

— Так, Миш, иди в дом и подготовь их ко встрече со мной.

— Как я их буду готовить?

— Откуда мне знать? Ты же с ними жил последнее время, не я. Иди. Потом меня позовешь.

Мишка ушел, а я присел на лавку у крыльца. Домик у нас был неплохой. Правда, каркасно-деревянный, но жили мы в нем только летом, так что нас все устраивало. Да и печь в доме была, всегда можно подтопить, если что. На первом этаже гостиная, кабинет, кухня и санузел. На втором — спальни. Построили мы его еще в конце восьмидесятых. И участок неплохой — девять соток. Маловат, конечно, но, учитывая, что вокруг у всех участки по шесть соток, очень даже неплохо. Мама им очень гордилась. Именно она выбила его.

А получилось довольно интересно. Отец с мамой работали на одном заводе, но в разных отделах. Когда стали выделять дачные участки, им было положено два, но в профкоме решили, что два участка на одну семью слишком жирно. Мама с ними долго боролась, и в конце концов они пришли к компромиссу — нам выделили участок в девять соток. Как говорится, ни вашим, ни нашим. И участок у нас всегда был обихо-

жен. Грядки как по линейке. Деревья подрезаны и побелены. Зато и фруктов-овощей у нас было хоть завались. А подвал забит различными закрутками. Чего там только не было! Как мама со всем этим расстанется? А вот ни отец, ни я, ни Мишка на участке возиться не любили. Приходилось, конечно, куда же денешься, но без всякого удовольствия.

Наконец вышел Мишка.

— Все в порядке. Пойдем.

Мы с ним зашли в дом. Отец с мамой стояли у стола. Мама как увидела меня, так и упала без чувств. Отец с круглыми глазами свалился на стул и пытался продышаться. Мы с Мишкой бросились к маме. Подняли ее и положили на диван. Мишка схватил графин с водой и стал брызгать на маму, наливая воду в ладонь. Наконец она открыла глаза.

— Обормот, ты же сказал, что подготовил их, — набросился я на Мишку.

— Конечно, подготовил. Я предупредил, что их ожидает сюрприз и что сейчас они встретятся с долгожданным человеком.

— Мы думали, что он наконец решил познакомить нас со своей девушкой, — с усилием сказал отец.

— Ну и как тебя после этого можно назвать?

— Да ладно вам. Все же нормально. Все живы-здоровы и наконец встретились.

Мама лежала на диване и не отрываясь смотрела на меня. Я присел рядом. Она схватила мою руку и стала ее ощупывать, как будто проверяя, настоящий я или какой фантом.

— Колька, и где ты все это время пропадал? — наконец пришел в себя отец.

— Давайте сядем за стол, Мишка нам чайку нальет, и я вам все расскажу.

Мы все уселись за стол. Ну, отец и так уже сидел за столом, а маму мы с Мишкой усадили. Потом мы с братом расставили чашки, я достал из серванта вазу с конфетами, а Мишка принес чайник. Надо же, столько времени прошло, а я все помню и достаю все просто автоматически, не задумываясь. Что интересно, родители меня признали сразу, ни грена сомнений я в них не заметил. Мишка — и тот сначала смотрел на меня с недоверием. И пофиг, что я выгляжу на двадцать лет. Да, видно, и в самом деле родители смотрят на своих детей не глазами, а сердцем.

Я принялся рассказывать. Рассказ получился еще короче, чем прошлый раз. Все-таки Мишке можно было рассказать то, чего родителям рассказывать ну никак невозможно. Но главное они уяснили — я прилетел за ними. Тут же начались стенания — как же квартира, дача, машина? И как же это все бросить?

— Мам, да ничего бросать не надо. Мы с Мишкой уже все продумали. Говорить о том, что я объявился, все равно никому нельзя. Это вы, надеюсь, понимаете. — Они в унисон кивнули. — Скажем, что я твой двоюродный племянник... ну, например, из Иркутска. Приехал к вам в гости и предложил хорошую высокооплачиваемую работу Мишке у себя в городе в семейной компании. С предоставлением жилья. Мишка едет туда жить и работать. Ну а вы вместе с ним, посмотреть, что там и как, и помочь первое время. За дачей попросить присмотреть соседей. И за квартирой тоже. Или вообще попросить соседей, чтобы они ее сдавали. Коммуналку пусть оплачивают из вырученных денег, а остальное берут себе. А машину загоним в сарай — и пусть там стоит до лучших времен. Все равно мы сюда будем прилетать, благо тут лететь-то всего меньше трех недель от нашей планеты.

— Ничего себе, целых три недели.

— Да ладно. Три недели — это пустяк. Привыкайте к тому, что вы теперь долгожители. И три недели для вас — все равно что три дня. Тем более что все это время вы будете проводить не в безделье, а с пользой. Да и вообще вся наша жизнь в основном проходит в космосе, а на планетах мы отдыхаем. Конечно, существует множество профессий, потребных именно на планетах, но в основном вся активная жизнь проходит именно в космосе.

— Так в космических кораблях и живете? — спросил отец.

— Нет, конечно. В основном на космических станциях. Огромных станциях. Некоторые размером с нашу Луну. Это огромные города, со своими улицами и площадями, парками и садами, реками и озерами.

— А не проще ли жить на планетах, чем строить такие станции?

— Не проще. Все промышленные производства вынесены в космос, на планетах остались только агропромышленные комплексы. Те, кто работает на этих комплексах, живут на

планетах. А в основном планеты предназначены для отдыха и развлечений, а работают люди в космосе.

— Да, чудная у вас там жизнь. Коль, а какие они?

— Кто?

— Инопланетяне. Чем мы от них отличаемся?

— Да они такие же точно люди, как и мы. И мы от них ничем не отличаемся. Они просто технически более развиты. Не морально, не умственно, а именно технически. Технологии у них, конечно, с нашими не сравнить. Что есть, то есть. А в остальном... Мам, вот скажи, твоя бабушка сильно от тебя отличается? Вот если бы ее, еще молодую, взять и перенести в наше время. Сильно она от нас отличаться будет?

— Пожалуй, что и не очень.

— Вот именно. Переодеть ее в современную одежду, научить пользоваться компьютером и сотовым телефоном — и не отличить от нас. Так и там. Да, в техническом развитии они нас сильно опередили, но внешне и внутренне они такие же, как и мы. Есть хорошие и есть плохие, есть честные и есть жулики. Ну, это я говорю о Содружестве. А вот на нашей планете жителей только семеро — мы четверо и еще три девчонки.

— Что за девчонки? — тут же встрепенулась мама.

Пришлось рассказывать в сокращенном варианте истории всех девушек. Себя я описывал конечно же только в белых тонах.

— Бедные девочки, — тут же начала их жалеть мама, — и что ты думаешь с ними делать дальше?

— Понятия не имею. Да ладно, живут и пусть живут. Мам, пап, давайте так сделаем — сейчас слетаем ко мне на корабль, я вас там немного подлечу, и там уже спокойно посидим и поговорим.

— Как это подлечишь? Ты что, врач? — спросил отец.

— И врач тоже. Собирайтесь.

Собирались они недолго. Да, любопытство — великая вещь. Видно, очень уж им хотелось увидеть все, что я рассказывал, своими глазами. Мама даже ничего не сказала, когда мы прошли по картофельным грядкам. Правда, в бот они влезали с опаской, но после того как я их усадил в кресла и пристегнул гравитационными ремнями, успокоились. Во время полета один борт я сделал прозрачным, так что они хорошо рассмотрели и Землю и Луну из космоса. Корабль их очень удивил, но, как ни странно, не так сильно, как Мишку. Ну,

собственно, правильно — чему тут удивляться? Ведь они видели превращение кургузых гробов в огромные воздушные лайнеры. На их памяти появление компьютеров, мобильных телефонов, 3D-телевизоров. Они просто уже устали удивляться.

До медсекции мы добрались на платформе.

— Что это было? — спросила мама, войдя в медсекцию.

— Где?

— Меня в дверях обдало то ли теплым воздухом, то ли холодным, так и не поняла.

— Обыкновенная дезинфекция. Я-то на это внимания не обращаю — привык. Да и вы привыкнете.

— Коль, а где девушки, о которых ты говорил?

— В медкапсулах.

— Что за медкапсулы?

— Да вот же перед тобой.

— Вот эти гробы?

— Это не гробы — это медицинские капсулы.

— Они что, больные?

— Нет, конечно. Они просто учатся. В этих капсулах можно не только лечиться, но и учиться под разгоном. То есть в несколько раз быстрее, чем без них.

— Ага, — влез Мишка, — я за полчаса выучил два иностранных языка.

— Можно на них посмотреть? — спросила мама.

— Вон в тех, крайних.

Они прошли к крайним капсулам. Отец с Мишкой сразу отпрянули от них. Отец даже как-то засмутился. Ну да, девчонки-то голые. Хотя учиться можно было и в одежде, но они принципиально всегда оголялись. Мама внимательно осмотрела каждую и подошла к нам.

— Красивые девушки. А раз учатся, значит, не лентяйки. Это хорошо. Но я потом с ними еще поговорю. Выберем тебе невесту, не волнуйся.

— Мам, давай об этом потом, а? — Я открыл две капсулы. — Раздевайтесь и ложитесь в эти капсулы. Я вас полностью приведу в порядок. Но омолаживать пока не буду, а то вас на Земле не узнает никто. Организм полностью восстановится до двадцатипятилетнего возраста. Даже здоровее будете, чем в свои двадцать пять. Но все равно немного помолодеете, лет на пять-семь. Хотя думаю, на это внимания никто не обратит. Пойдем, Мишка, выйдем.

Мы вышли, постояли минут пять, пока я общался с Никитичем, и пошли в кают-компанию. Симбионтов я пока родителям решил не устанавливать. Им еще на Землю возвращаться — спалются на фиг. Да они и не пожелают. А без разрешения не хотелось. Потом все равно уговорю. Никитич доложил, что в капсулах они полежат больше часа, хотя если все делать по уму, то надо около суток. Но тогда из капсул выйдут двадцатилетние юноша и девушка. Пока этого не надо.

Мы уселись за стол.

— Есть хочешь? — спросил я у Мишки.

— Нет. Я бы лучше выпил чего-нибудь.

— Можно. Но ничего крепкого и предлагать не буду. Нечего маму злить лишний раз. А вот по бокалу вина в самый раз.

Я вызвал Десс и сделал заказ. Все мысленно, конечно. Через минуту она принесла нам по бокалу аграфского вина. Мишка сидел с открытым ртом и не мог слова произнести. Потом схватил бокал и ополовинил его.

— Коль, это кто был?

— Десс, стюардесса. Обыкновенный дроид. А четыре руки для удобства, блюда разносить. Да не менжуйся ты. Через пару часов симбионт развернется, и сам сможешь мысленно с ней общаться и любые заказы делать.

— Да, чудеса. Еще утром все было как всегда, а сейчас я на космическом корабле, черт знает как далеко от Земли, и обслуживает меня четырехрукая стюардесса. Обалдеть. Коль, а эти три девушки, они тебе кто? Жены, что ли?

— Нет, не жены — это точно. Просто мои девушки.

— Как ты с ними умудряешься с троими управляться-то? Я и одну-то больше месяца выдержать не могу, а у тебя целых три.

— Да нормально живем. Понимаешь, так получилось, что девчонкам некуда деваться. Кто-то по своей глупости в пердрюгу попал, а кому-то и я поспособствовал. Не нарочно, конечно. Так уж вышло. Выгнать я их не могу, да и некуда. Так и живем. В физическом плане все нормально. Я и еще столько же, если что, выдержу. А вообще-то ты прав — это напрягает иногда. Было бы их хотя бы две, а лучше вообще одна, но тут уж ничего не поделаешь. Они ведь молодые, здоровые женщины, и им просто необходимо мужское внимание. А мужчина у них только один. Им и самим бы хотелось иметь персонального мужика, возможно, создать семью, родить детей. Но рядом

только я. А хуже всего то, что у них в общем-то и нет шансов завести нормальную семью. Разве только у одной.

— Но почему? Девчонки-то красавицы.

— Две из них из Содружества, я тебе рассказывал. Жениться ни на одной из них я не могу. Почему? Потом как-нибудь объясню. Поверь мне, причина довольно серьезная. И не потому что я плохой или они плохие, нет, просто мы немного разные. Совсем чуть-чуть. В ментальном плане. Я ментат, а они нет. И никогда не будут. И дети у нас не будут ментально активны. А я этого допустить не могу. Это все равно как если бы ты знал, что от девушки, красивой, умной и вообще просто замечательной, у тебя родятся только парализованные дети, женился бы ты на такой? Нет? Вот и я не могу. Это сделает несчастными всех. И родителей и детей. Вот так и получается, что девушки замечательные, а будущего у нас нет. И я и они это знаем. И сделать ничего нельзя.

— Но почему? Ты же сам говорил, что ваша медицина может все, даже мертвого воскресить.

— Может, Миш, может. А вот этого не может. Просто мы люди разных рас. Совсем разных. Я могу жить среди них. Могу пользоваться всеми благами их цивилизации. Мне подходят их нейросети, я могу пользоваться их техникой. А вот они ничем нашим пользоваться не могут. И дети наши ничем пользоваться не смогут. Почему так, я не знаю. И изменить ничего не могу.

— А третья девушка?

— А вот третья девушка такая же, как и мы. Но и на ней я вряд ли женюсь.

— Но почему?

— Не знаю. Сам понять себя не могу. И умная, и красивая, и воспитанная, а вот как-то не вижу я ее своей женой. Может, и изменится еще что, не знаю. Но в любом случае жениться сейчас на одной из них я не могу. А других куда? Понимаю, что это неправильно, что надо что-то решать, но не могу. Вот как-то так.

— Да, дела. Я-то тебя пойму, а вот мама вряд ли. Да и папа тоже. Сам знаешь, они воспитаны по-другому и о всех этих твоих сомнениях даже слушать не будут.

— А я им не буду пока ничего рассказывать. А потом сами все поймут. Ладно, пойдем их встречать.

Мы пошли к медсекции. Постояли немного у двери. Наконец родители вышли. Одежда на них сидела чуть мешковато — все-таки похудели, хотя они и не были особо полными. Выглядели они как обыкновенные молодые люди, и если бы не морщины на лице и седина в волосах, узнать их было бы невозможно. Похоже, перестарался. Я подхватил их под руки и повел в кают-компанию, потому что они были какими-то заторможенными. Уселись за стол.

— Да, это настоящее чудо. Я чувствую себя как в молодости, — заметил отец. — А других ты так же вылечить не можешь?

— Могу, конечно, но не буду.

— Но почему?

— Пап, пойми, всех я вылечить не смогу просто физически — у меня всего восемь медкапсул. И кого тогда лечить? Кто больше заплатит или кого власти пришлют? Нет, так я не хочу. Своих я лечить буду. И не просто лечить, а сделаю их молодыми и здоровыми юношами и девушками, даже если это столетние старики, а остальные меня не интересуют.

— И кто для тебя свои?

— Свои — это те, кто полетит со мной на мою планету.

— Ну, таких наберется очень много, особенно среди пожилых и больных людей.

— К сожалению, не так много, как кажется. Мне нужны только ментальноактивные люди.

— Это как?

Долго пытался объяснить, что представляет собой ментальная составляющая человека, но не преуспел. Неудивительно — я и сам слабо представлял, что это такое. В конце концов велел принести мне со склада какую-нибудь железку и у всех на глазах сделал из этой железяки пару дроидов. Диверсантов, размером с мышь. Вот когда металл потек в моих руках, тогда только они прониклись, а то лишь ухмылялись.

— Вот как-то так. Как я это делаю, не знаю. Вернее, как делаю, как раз знаю, но почему это все у меня получается — не ведаю. Чтобы во всем этом разобраться, надо быть ученым-теоретиком, а я всего лишь инженер. Хороший ментоинженер, но не ученый.

— Так надо найти ученых и все выяснить. Это ведь такие возможности.

— Только вот где их найти, этих ученых? Нету их, а если и будут, то очень не скоро. Потому что ученых нам придется воспитать самим. Может, наши дети станут учеными, а может, внуки. А пока дел и без того полно. Я же вам говорил, что собираюсь создать свое государство, и пока в моем государстве только двое граждан — я и мой пилот. Вот Мишка еще третий. Кем он будет, не знаю. Выберет себе профессию. Вы двое, если согласитесь. А остальных надо искать, и очень осторожно. И с каждым договариваться. И главное — не засветиться перед властью.

— А почему бы тебе не встретиться с президентом? Он мужик толковый, может, и договоришься.

— Пап, и как ты себе это представляешь? Прийти в Кремль и сказать: «Я хочу поговорить с президентом»? И меня к нему пустят? Или показать всем свой крейсер, а потом прийти в Кремль? Тогда со мной захотят пообщаться и другие президенты. А я их всех пошлю. А вот тогда меня просто постараются грохнуть, чтобы одна страна не вырвалась технологически вперед. И Земле придет конец. Потому что та девочка, что сейчас лежит в медкапсуле, разберет Землю на атомы.

— Как это?

— Очень просто. Несколько залпов из орудий крейсера — и от Земли ничего не останется. Да и ерунда это все. Даже если я смогу тайно встретиться с вашим президентом, ничего хорошего из этого не получится. Он президент своей страны, и что за помощь он захочет, я даже гадать не буду. Чего бы он ни захотел, все равно я ничего не дам. Не готова еще Земля к таким технологиям. Что бы я ему ни дал — это будет прорыв на сотни, а может быть, и на тысячи лет вперед. И как к этому отнесутся окружающие страны? Уверяю тебя — очень плохо они к этому отнесутся. А это война. А я не хочу быть инициатором гибели человечества.

— А как же ты собираешься находить себе добровольцев?

— Вообще-то есть задумки. В первую очередь хочу просерстить дома престарелых. Там живут в основном никому не нужные старики, часто без родственников. А если и есть родственники, то они будут только рады их пропаже, раз уж сдали их туда. Думаю, старики не откажутся обрести молодость, даже если ради этого придется покинуть свою страну. Но все равно с каждым придется проводить беседу. Чтобы не было никаких недомолвок.

— Вот это правильно. Все должно быть честно. — Это уже мама, старая коммунистка.

— Потом можно пройтись по онкологическим клиникам. Но тут сложнее. Больные-то, а вернее умирающие, не откажутся, а вот их родственники... Тут надо думать. Но в любом случае много людей мне сейчас и не надо. У меня на крейсере всего тридцать восемь кают, и три из них уже заняты. Еще одну Мишке и одну вам. Остается тридцать три каюты. Вот через годик, когда мы прилетим на более подходящем корабле, — тогда сможем взять несколько тысяч человек.

— А как ты собираешься находить этих твоих ментоактивных людей?

— У меня есть ручные сканеры, которые реагируют на таких людей. Конечно, это довольно сложно, особенно в толпе, но найти можно. Тем более что в толпе мы никого искать и не собираемся.

— А мы с мамой ментоактивны?

— Да, конечно, у тебя уровень ментоактивности три и ноль, а у мамы — три и шесть. Это очень хорошие показатели. После установки симбионта ментоактивность возрастет еще больше, на единицу с лишним. А потом уже только от вас все зависит. Но трудиться придется много.

— Ничего, к труду мы привычные. Послушай, ты же говорил, что ментоактивность — это очень редкое явление, а как же так получилось, что мы все ментоактивны?

— Не знаю. Ну, мы-то с Мишкой понятно как — раз вы оба ментоактивны, то и мы автоматом получили этот дар, а вот почему вы с мамой оказались ментоактивны, не знаю. Вот такое вот счастливое стечение обстоятельств.

— Знаешь, Коль, я думаю, нам надо пройтись с этим твоим сканером по всем нашим родственникам, наверняка и они многие ментоактивны. Да и поговорить с ними можно, не особо опасаясь, что за психа примут.

— В общем-то идея неплохая, но я, честно говоря, собирался через недельку, максимум две, свинтить отсюда. Пройтись по-быстрому по домам престарелых, набрать три десятка людей и улететь. Все равно какой-никакой, а шум поднимется, а к нашему возвращению через годик все уже уляжется.

— Коль, тогда давай сделаем так. Ты набирай людей в домах престарелых и клиниках и улетай, а мы с мамой останемся здесь и, пока вас не будет, объедем всех родственников с тво-

им сканером и поговорим с ними. И не спорь, так будет лучше всего. А мы еще и по друзьям и знакомым пройдемся, а через год будут уже подготовленные люди.

— Нет, пап, ну ты и придумал! А вдруг с вами что-нибудь случится? Да мы с Мишкой с ума сойдем.

— Не спорь! Так будет лучше. Нам ведь и самим надо привыкнуть к этой мысли. Думаешь, это так легко — бросить дом, страну и даже планету и улететь незнамо куда? Это вам, молодым, хорошо, вы легки на подъем, а для нас это уже совсем не просто.

— Ну, я даже и не знаю. Если я вас уговорить не могу, как я других, совершенно посторонних людей, уговаривать буду?

— А вот это ты зря. У стариков в домах престарелых, да и в клиниках тоже, другого выбора-то и нет. А вот у нас есть. И не волнуйся ты так за нас. Особенно высовываться мы не будем.

— Ладно, знаю, что переубедить вас все равно не смогу, сам такой же упрямый. Тогда давайте вернемся на Землю, на дачу, пока там еще ночь, и там уже обговорим все.

Так и сделали. Когда высадились из бота в огороде возле дома, на те самые несчастные картофельные грядки, уже начинался рассвет. Солнце еще не взошло, но сереть вокруг уже начало. Так что вовремя мы успели. А то дачники рано встают, могли и заметить что-то. Все равно бы не поняли ничего, но зачем лишние разговоры.

После завтрака я пытался отправить их спать, но куда там. Все были так возбуждены, что решили спланировать наши дальнейшие действия прямо сейчас. Посидели часа два. Решили, что мы с Мишкой проверим все дома престарелых у нас в области и еще сгоняем в Москву, там проверим дом престарелых для военных пенсионеров и инвалидов войны. Вояки мне очень быгодились. Хорошо бы пройтись по домам реабилитации «афганцев», но где они находятся, пока было непонятно. В интернете таких данных не было. Я дал задание Никитичу найти такие дома в базе данных Минобороны и в различных обществах ветеранов афганской войны. Еще поручил ему узнать адреса инвалидов различных войн в нашем городе. Их бы тоже надо проверить. Но это уже забота родителей. За год они смогут всех обойти под предлогом оказания помощи. Эх, жаль, я деньги наркоторговцев сжег, сейчас бы онигодились. Вот всегда у меня так. Всегда я иду на поводу у своих эмоций. Лучше бы я эти деньги роздал инвалидам. Ладно, это

были не последние наркоторговцы. Найду еще. И необязательно в своем городе. Перед отъездом, вернее, отлетом тряхану несколько таких притонов, а деньги отдам родителям. Пусть обходят инвалидов и раздают им, заодно и проверят на наличие ментоактивности. Объяснил им свою задумку. Они сначала покочевряжились, а потом все-таки согласились, что если деньги не оставлять себе, а раздать, то они не будут уже такими грязными. Потом родители остались составлять список наших родственников, а мы с Мишкой поехали в город на отцовской машине. Ему надо было решить вопрос с увольнением с завода. Он обещал все сделать быстро. Да в общем-то по-другому и быть не могло. Завод работал не в полную мощность, поэтому удерживать его никто не стал. Тем более что желающих устроиться было много, так что долго его место свободным не останется. Платили на заводе хоть и немного, но ведь все-таки платили. А с работой сейчас в городе не очень хорошо.

Потом мы долго с ним бродили по городу. В общем-то город особенно не изменился. Появилось несколько новых торговых комплексов, в центре слегка подремонтировали фасады домов. И все. А во дворах как была разруха, так и осталась. И это мы еще на окраинах не были. Да, хреновые дела в стране. Но все равно, такой безнадеги, как восемь лет назад, не было. Может, и в самом деле все восстановится? Может, и правда президент нормальный мужик и сможет что-нибудь сделать. Ну, тогда России в кои-то веки наконец повезло. Хотя я в это не очень-то и верю. Ну, да это теперь и не мое дело. Может, и получится у нового президента изменить жизнь к лучшему. Ну и дай бог ему здоровья. А я во все это лезть не собираюсь, своих забот полно.

К вечеру вернулись на дачу. Сегодня ночью мы решили пройтись по трем домам престарелых, находящимся в нашей области. Один располагался в городе и два в небольших районных центрах. Родители вели себя совершенно спокойно, как будто в их жизни ничего не изменилось. Впрочем, их отъезд откладывается на год, вот они и успокоились. И это хорошо. За год они сами себя настроят как надо и с нетерпением будут ожидать нашего возвращения и уже спокойно согласятся на перелет. Главное, чтобы особенно не засветились. Хотя что им могут вменить в вину? Ничего. Ну, может, сочтут немного ненормальными. Обидно, конечно, но не смертельно.

Ну а то, что будут деньги раздавать инвалидам, так чего же тут плохого? Ну, сходят состоятельные старики с ума, да и бог с ними. Так что за них я особо не переживал. Тем более что здоровье им подправил.

До позднего вечера обсуждали действия родителей в наше отсутствие. Я им также много рассказывал о жизни в Содружестве. Им, конечно, хотелось посмотреть на все своими глазами. Я, естественно, обещал свозить их на экскурсию в следующем году. Правда, и сам пока не представлял, как это проворачивать. Ну, да придумаю что-нибудь. Тем более что теперь я буду не один. Надеюсь, у меня скоро появятся люди и поопытней, и, возможно, поумней меня.

Ближе к полуночи мы с Мишкой отправились шерстить дома престарелых. Что интересно, за ночь успели облететь все три дома. Оказалось, что ничего сложного. Я подлетал на боте к зданию и усыплял там всех. Хотя большинство людей и так спали. По случаю довольно теплой погоды окна были открыты. Поэтому заходили мы в здание через окно. Симбионт у Мишки уже распаковался еще днем, и разговаривать мысленно я его научил. Остальному сам научится. Хотя можно было и не таиться — все равно все спали. Потом проходили по всем комнатам и проверяли всех сканером. В городском доме престарелых обнаружили двух ментальноактивных, а в районных еще двух и трех. Потом выносили их в холл и будили. Там я им все объяснял. Никто не отказался с нами лететь. Правда, грешен, немного поддавливал их эмпатически. Но только чтобы они мне поверили. Заставлять я никого не хотел. Но когда они начинали мне верить, что я им могу вернуть молодость и здоровье, никаких сомнений ни у кого уже не возникало. Так что к утру мы отвезли на корабль семерых добровольцев. Единственное неудобство — это то, что шестеро из них были женщинами, вернее, старушками, и только один старичок. Да и вообще в домах находились в основном старушки, стариков было совсем мало. А это плохо. Сейчас-то они старушки, а через два-три дня это будут молодые здоровые девушки. Они же этого одного парня порвут. И ведь так будет и в остальных домах престарелых. Не живут почему-то у нас долго мужики. Беда. Надеюсь, в доме престарелых для военных пенсионеров и инвалидов и в различных реабилитационных центрах я наберу побольше мужиков. А то совсем плохо будет. Я, конечно, не Владимир Жириновский и каждой женщине по мужику дать

не смогу — это только он такой волшебник, но хотя бы по одному парню на двух-трех девчонок найти надо. Иначе неприятности мне обеспечены.

Стариков я своим кораблем не удивил. Единственное, чего им хотелось, — это побыстрее стать молодыми и здоровыми, поэтому ни на что вокруг они особого внимания не обращали. В медсекторе пришлось поднимать девчонок из капсул. Иначе мест всем семерым не хватило бы. Пока я укладывал старичков в капсулы, девчонки так и вились вокруг меня и тархтели, тархтели. Потом отправились в кают-компанию. Сколько же я упреков по пути выслушал. В конце концов я смог переключить их внимание на Мишку, познакопив их с ним. Вот тут досталось уже ему. Вопросы на него так и сыпались. Отвечать он просто не успевал. В кают-компании Мишка забился в угол, заказал стакан сока и спрятался за ним, как за щитом. Но сок быстро кончился, а вопросы у девчонок — нет. Тут уж мне пришлось на них гаркнуть, а то Мишка совсем растерялся и даже отвечать перестал.

— Так, девочки, хватит. Это я привык к вашему тархтению, а он человек новый, неподготовленный. Он от вашего напора совсем растерялся. Так вы его с ума сведете. А зачем мне сумасшедший брат? Так что давайте успокаивайтесь и задавайте свои вопросы мне.

— Ник, а когда мы спустимся на планету? — первой успела, конечно, Кини.

— Спуститесь, обязательно спуститесь. Я вам обещаю. Но сначала мы закончим все наши дела.

— А что у тебя за дела? И что это за старушки были в медсекторе?

— Вот это и есть наши дела. А старушки — это добровольцы. Они полетят с нами. И там были не только старушки, но и один старичок. Но мы постараемся стариков найти побольше. И это пока они старики, а через пару дней вы их не узнаете.

— Но ведь омоложение — это очень длительная и сложная процедура. И очень дорогая.

— Ну, это на медтехнике Содружества она и длительная, и сложная, и дорогая. Я это знаю, все-таки я сертифицированный медик. Но на нашей технике это делается намного быстрее и проще. Так что пару дней потерпите — и получите сразу много ушей, на которые можно вешать лапшу до бесконечности. Но не советую. Мои соотечественники народ суровый,

могут и обидеться. Тем более что все они псионы высокого уровня.

— Да, с такими лучше не шутить.

— Вот и не надо. Но я надеюсь, что вы станете друзьями. Тем более что они ничего не знают о нашей жизни. И вы им можете здорово помочь. Никитич им закачает языки, атланский и Содружества, да и простенькую базу по истории Атланской империи, но история историей, а о современной жизни лучше вас им никто не расскажет. Ведь там в основном девушки.

— А какие они, эти девушки, красивые?

— Да откуда ж я знаю? Я их в молодости не видел. Хотя через пару дней, к концу сеанса, поработаю немного с ними. Вспомню молодость. Все-таки я раньше имел клинику и занимался как раз в основном пластикой. Так что можете быть уверены, из капсул выйдут сплошные красавицы.

— И красавцы?

— Нет, делать пластику мужику — только портить. Мужики красивы своей естественной красотой, даже если не очень отличаются от обезьяны.

Потом еще немного посмеялись и пошутили, и мы стали собираться. И так уже в нашем городе почти рассвело. Вырвались, конечно, с трудом. Пришлось им пообещать, что максимум через неделю отправлюсь с ними в турне по Земле.

В боте Мишка сначала молчал, а потом не выдержал:

— Слушай, как ты с ними управляешься? Нет, девчонки, конечно, просто красавицы, но это же ужас какой-то. Ураган, а не девчонки. Даже тайфун какой-то. Особенно Кини. Она вообще молчать умеет?

— Ну, если гаркнуть как следует. Да нет, так-то они девчонки спокойные более-менее. Просто так много новых лиц появилось неожиданно, вот у них крышу и снесло. А вообще-то да, поболтать они любят. Ладно, привыкнешь и не будешь обращать на их болтовню внимания. Собственно, они очень даже толковые девчонки, а Инга, кстати, пилот моего корабля.

— Ни фиги себе. Вот эта пигалица пилот космического корабля? Да-а-а... — Он удивленно что-то пробормотал и замолчал. Так и промолчал всю дорогу, лишь иногда удивленно покачивая головой.